

ЧЕХОВСКИЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

На родинѣ Чехова.

(Къ пятидесятилѣтію дня роженія).

О, ты украшенный природой Таганрогъ!..

(Стих. Теряева на смерть Александра I).

Я не былъ въ Таганрогъ съ 1885 года. Съ того времени миновало полжизни. И все перемѣнилось. Немудрено, поэтому, что подъѣзжая, наконецъ, къ моему родному городу почти черезъ четверть вѣка, въ одно осеннее хмурое утро, я проявлялъ нетерпѣніе и поминутно высовывался изъ окна. Когда въ вагонѣ рядомъ со мной снова задрембезжала рассыпчатая греческая скороговорка, я былъ готовъ воскликнуть, подобно Пушкину:

„Слышу умолявшій звукъ божественной эллинской рѣчи“.

Намъ попались три коровы, красныя, въ пятнахъ, но даже въ ихъ пестрыхъ мордахъ мнѣ мерещилось что-то родное, таганрогское.

Я выросъ въ Таганрогъ и учился въ таганрогской гимназіи почти одновременно съ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ. Онъ былъ старше меня однимъ классомъ, но я и теперь помню его гимназистомъ. Онъ былъ „основникъ“, а я—„параллельникъ“. Онъ выглядѣлъ букой и все ходилъ по коридору мимо нашего класса, а мы прятались за дверью и дразнили его чехонью ¹⁾).

Мы встрѣтились потомъ въ 1899 году въ Петербургѣ и вмѣстѣ вспомнили Таганрогъ и нашего инспектора гимна-

¹⁾ Чехонь—порода рыбы.

зин, Александра Федоровича Дьяконова, по прозвищу „Сороконожка“, и „Сѣрое Пальто“, который отчасти послужилъ прообразомъ „Человѣка въ футлярѣ“. Послѣ того я уѣхалъ въ Америку. Когда я вернулся въ Россію поздней осенью 1904 года, Чехова уже не было на свѣтѣ...

Я вышелъ изъ гостиницы и пошелъ бродить по улицамъ, отыскивая новое и стараясь распознать старое. Улицы были пустынные, какъ въ доброе старое время, ибо Таганрогъ не растетъ, скорѣе — напротивъ. Но черноземная грязь, нѣкогда знаменитая на четыре ближайшихъ губерніи, исчезла. Улицы были вымощены камнемъ. Помню, мы называли Таганрогъ и Балту полюсами южной грязи, и по нашей школьной географіи эти города отнюдь не причислялись къ „сушѣ“.

Вотъ магазинъ Адабашева. Здѣсь нѣкогда была лужа, въ которой утонула лошадь. Послѣ того двое молодыхъ грековъ нарочно завязали въ лужѣ телѣгу и усадили на ней пару мальчиковъ съ удочками. Не помню, ловилась ли рыба въ этой мутной городской водѣ, но телѣгу удалось вытащить только на слѣдующее утро. Вотъ домъ Джурича, бывшаго городского головы, первый большой трехэтажный домъ. Когда строили его, мы собирались смотрѣть, какъ будто на диковину.

„Каменная лѣстница“, ведущая къ морю внизъ. Передъ нею старый знакомецъ, широкій сѣрый кругъ съ цифрами, — солнечные часы. Я вспоминаю, что эти часы, наперекоръ стихіямъ, показывали время съ ошибкою (свыше нормальной поправки), и ихъ приходилось провѣрять по карманнымъ часамъ. Пробую и убѣждаюсь, что они сохранили это удивительное свойство.

Мелкое, узкое море. Странно ловить глазами въ сыромъ туманѣ противоположный берегъ. Когда дунетъ вѣтеръ изъ степи, вода уходитъ, и бурое дно выступаетъ наружу отъ края до края. Когда-то въ этомъ морѣ ловилось множество рыбы, и по всему берегу стояли сушильни для знаменитой азовской тарани. Теперь тарань почти истреблена, и сушильни исчезли. Зато на берегу вздымаются черныя трубы заводовъ однѣ за другими. Металлургическій заводъ, кожевенный, котельный, фосфатный. Этими заводами жилъ Таганрогъ до послѣдняго времени, пока не сократились заказы и работа. Въ прежніе годы Таганрогъ жилъ хлѣбной торговлей и контрабандой, организованной въ широ-

кихъ размѣрахъ почти официально. Онъ былъ тогда, какъ порто-франко русскаго стиля, возникшее отчасти въ явочномъ, отчасти въ интендантскомъ порядкѣ... Быть-можетъ, иные помнятъ еще процессъ Вальяно, когда все купечество, и таможня, и полицмейстеръ попали подъ судъ, и градоначальникъ внезапно умеръ, и казна насчитала сотни миліоновъ убытку. Теперь все это исчезло, торговля ушла по законному руслу въ Ростовъ и Одессу. И мѣщане изъ предмѣстій, по мѣстному „городскіе фараоны“, уже не зарабатываютъ по пяти рублей въ день на каторжной грузкѣ, не пьютъ и не кутятъ, какъ прежде. Молодежь не срываетъ фонарей и не ставитъ уличныхъ заборовъ поперекъ дороги. Дай Богъ заработать на хлѣбъ. Кстати, съ того времени хлѣбъ сталъ вдвое дороже: вмѣсто прежнихъ двухъ копеекъ—четыре копейки за фунтъ. Мясо дошло до петербургскихъ цѣнъ. Даже прекрасные южные овощи вздорожали до крайности. Бавни, прасо, катранъ, баклажаны, „красненькіе“, „синенькіе“, „зелененькіе“, кабаки и кабаки, что отнюдь не одно и то же. Вся эта благодать неоднократно перечислялась у Чехова...

Къ полудню я разыскалъ знакомыхъ. Ихъ оказалось полгорода. Адвокаты, врачи, гласные думы, окрестные помѣщики. Все бывшіе однокашники, товарищи по двойкамъ и проказамъ. Только глядя на нихъ, я убѣдился, что всѣ мы постарѣли. То были пожилые, лысые, сѣдолодые люди со взрослыми дѣтьми. У одного были даже внуки. Другой прожилъ 17 лѣтъ въ одной и той же квартирѣ, какъ будто приросъ къ мѣсту. Весь онъ словно обратился въ раковину, даже уши у него приняли форму раскрытыхъ устрицъ. Въ часы, свободные отъ пациентвъ и операций, онъ размышлялъ о высокихъ предметахъ, о Богѣ, объ авіаціи, о безсмертіи души. Устрица, быть-можетъ, размышляетъ о томъ же самомъ. Мы, впрочемъ, казались другъ другу какъ будто воскресшими изъ мертвыхъ и все вспоминали наши старые школьные списки. Въ этомъ прибрежномъ городѣ они были пестрые, всѣхъ націй. Айналовъ, Безусъ, Бернарделли, Богоразъ... Лакиеръ, Ласкераки.—Мы передѣляли его въ Раскаряки.—Псіма, Псалти, Псалураки...

— Помните Лагудинскаго? Онъ вызвалъ драться одинъ цѣлыхъ три класса: нашъ первый и два вторыхъ, основной и параллельный. И какъ мы ему тогда наклали...

— А Шаповаловыхъ помните? Ихъ было двое. Шаповаловъ Кривонось и Шаповаловъ-Облегченное Удареніе. Шаповаловъ Кривонось былъ мраченъ и любилъ рисовать памятники съ крестами. На памятникахъ онъ выводилъ какъ-то особенно четко: „Здѣсь покоится тѣло генерала отъ инфантеріи Н. П. Шаповалова, павшаго на полѣ брани“.

Давнія героическія времена. Мы, гимназисты, ходили биться на кулачки стѣна на стѣну съ уѣздниками, учениками уѣзднаго училища. Они называли насъ дрышпаками,—оскорбительное имя. Теперь этого имени никто не знаетъ въ городѣ. Помню, однажды во время „маевки“, въ день перваго мая, какъ намъ досталось на орѣхи. Мы бѣжали отъ самыхъ „Дубковъ“ до городского сада. Впрочемъ, и у насъ были свои силачи. Дракули-Критикось. Онъ вытаскилъ однажды лошадь вмѣстѣ съ телѣгой, завязшую въ грязи. Унановъ. Онъ поднималъ одной рукой пятипудовый кулъ муки...

Послѣ того каждое утро я обходилъ городскіе предѣлы, грязные базары, пустынные предмѣстья, крутые берега и приморскіе пески,— всѣ тѣ мѣста, гдѣ мы нѣкогда бѣгали и дрались, купались и ловили рыбу. Павелъ Ивановичъ Вуковъ, помощникъ класснаго наставника, который служить въ гимназій больше сорока лѣтъ, мнѣ рассказывалъ, что А. П. Чеховъ тоже любилъ дѣлать такіе обходы.

— Какъ только пріѣдетъ, бывало, позываетъ меня, и вмѣстѣ ходимъ по старымъ мѣстамъ. Онъ только смотритъ, молчитъ и вздыхаетъ...

Другой старожиль, помоложе, сверстникъ Чехова, рассказывалъ тоже: „Чеховъ любилъ во время прогулокъ вспоминать подвиги дѣтства: „Вотъ здѣсь,—говоритъ,—мы когда-то выворотили полицейскую будку и поставили ее полицмейстеру Кузовлеву въ сѣни, а потомъ позвонили и убѣжали. Теперь, должно-быть, такихъ штукъ никто не дѣлаетъ“.

Если бы Чеховъ былъ живъ, мы, быть-можетъ, могли бы дѣлать такіе обходы вмѣстѣ...

Таганрогскіе улицы и переулки перемѣнили свои имена. Бывшій Полицейскій переулокъ переименованъ Полтавскимъ, а Ярмарочный—Гоголевскимъ. Одинъ изъ гласныхъ даже предлагалъ назвать Гоголевскимъ именно Полицейскій переулокъ на томъ основаніи, что Гоголь много

обличалъ полицію. Бывшая Полицейская улица (тоже Александровская) нынѣ названа Чеховской. На той улицѣ, во дворѣ, въ маленькомъ флигелѣ, родился Антонъ Чеховъ. Этотъ флигель даже теперь отдается въ аренду за 10 рублей въ мѣсяць. Въ немъ обитаетъ бѣдная вдова. Недавно въ Таганрогѣ образовался Чеховскій кружокъ. Въ видѣ начала этотъ кружокъ полагаетъ нанять у вдовы одну комнату подѣ Чеховскій музей. Комнаты, впрочемъ, такія крохотныя, что даже таганрогская память о Чеховѣ, — не больше наперстка, — все-таки не влѣзетъ въ середину. Тѣсно, должно-быть, было Антону и братьямъ въ этихъ клѣтушкахъ и дальнихъ задворкахъ...

Переговоры о наймѣ комнаты велись при мнѣ.

— За границей такіе дома ставятъ подѣ особую крышу, — сказалъ представитель кружка.

— Вы покроете, — сказала практичная хозяйка: — а кто-нибудь купить и развалить. — Да вы бы хоть дощечку прибили на воротахъ, — прибавила она. — А то прѣзжаютъ разные люди, студенты, барышни, ходятъ по улицѣ, не знаютъ, гдѣ этотъ домъ.

Впрочемъ, въ этомъ флигелѣ Чеховы оставались только два или три года. У нихъ было собственное мѣсто на углу Елисаветинской улицы (тоже Конторской) и Донского переулка. Отецъ Чехова, Павелъ, съ братомъ своимъ, Митрофаномъ, построили здѣсь рядомъ по каменному дому. Въ одномъ изъ этихъ домовъ Антонъ Чеховъ воспитался и выросъ. Только передъ его отъѣздомъ въ университетъ, въ 1879 году, Чеховы, нуждаясь въ деньгахъ, заложили этотъ домъ мѣстному обывателю Селиванову за 600 рублей. Послѣ того домъ не былъ выкупленъ. Этотъ домъ есть истинная чеховская колыбель. Недавно онъ былъ проданъ еврейскому благотворительному обществу за 5000 рублей, и въ немъ помѣщается теперь еврейская богадѣльня.

Я посѣтилъ этотъ чеховскій домъ въ одинъ унылый осенній вечеръ. Въ домѣ было темно и грязно. Вездѣ попадались узкія кровати, старые, неопрятные люди съ сѣдыми бородами, но комнаты остались безъ всякихъ измѣненій. Тотъ же странный полуподвальный входъ и рядомъ деревянное крылечко безъ перилъ, похожее на приставную лѣстницу, тѣ же неожиданныя окна подѣ самымъ потолкомъ.

Сосѣдній домъ, построенный Митрофаномъ Егоровичемъ Чеховымъ, до сихъ поръ принадлежитъ его вдовѣ и сыну Владимиру Митрофановичу, двоюродному брату Антона Павловича. Въ этой семьѣ сохраняется культъ имени Чехова. Здѣсь можно услышать много интересныхъ разсказовъ о дѣтствѣ Чехова, о тѣхъ суровыхъ расправахъ, которыя тогдашніе отцы чинили надъ дѣтьми, даже надъ гимназистами. Въ самыя опасныя минуты молодой Антонъ спасался въ сосѣдній гостепріимный домикъ, ибо здѣсь господствовали болѣе мягкіе нравы.

У Владимира Митрофановича на стѣнахъ висятъ портреты А. П. Чехова различныхъ эпохъ. Миѣ бросился въ глаза одинъ изъ позднихъ портретовъ. Чеховъ стоитъ на улицѣ передъ своею ялтпнской усадьбой. У него впалыя щеки и изнуренный видъ, но онъ улыбается. Передъ нимъ двѣ собаки, бѣлая и черная. Черная собака слѣпая, а бѣлая—глухая. Чеховъ подсвистываетъ черной собакѣ, и она прислушивается, а бѣлая, глухая, бѣжитъ впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Бѣлая и черная собаки, какъ будто старинная аллегорія, послѣдняя смѣна дня и ночи больного Чехова...

За чеховскимъ домомъ прежде находился большой пустырь, который въ то время назывался „имѣніе куриного царя“. На краю этого пустыря ютился старикъ, разводившій куръ. Пустырь заросъ бурьяномъ и дикою коноплей. На этомъ пустырѣ Чеховъ съ братьями ловили щегловъ силкомъ „на принаду“. Ловля щегловъ на принаду—это южный степной спортъ. Чеховъ увлекался имъ, даже будучи студентомъ. Однако въ очеркахъ своихъ онъ ни разу не далъ описанія этого хитраго лова. Въ густомъ бурьянѣ ставится заслонъ изъ рогожи, натянутой на двухъ жердяхъ, воткнутыхъ въ землю. Передъ заслономъ на палкѣ привязаны отборные кусты бурьяна и конопли. Сверху повѣшена клѣтка съ гвѣвучимъ щегломъ или съ самкой для приманки птицъ. Въ заслонѣ прорѣзано квадратное окошечко, а за заслономъ прячется ловецъ, пригнувшись къ землѣ. У него въ рукахъ орудіе лова,—длинная камышина, сажени въ полторы, съ волосянымъ силкомъ на концѣ. Когда щеглы, пролетающіе мимо, опустятся на бурьянъ рядомъ съ клѣткой, нужно просунуть осторожно камышину сквозь окошечко, навести силокъ на шею ближайшему щеглу и быстро утащить его къ себѣ, потомъ посадить щегла въ приготовленную клѣтку.

Я ловилъ шегловъ на принаду на собственномъ дворѣ, на самомъ краю предмѣстья Новостроенки. Помню, одинъ разъ я поймалъ трехъ шегловъ почти подъ рядъ.

Часть предмѣстья Новостроенки помѣщалась въ ямѣ. Здѣсь были высокіе тротуары и глубокія канавы, поросшія колючкой. А середина послѣ осевнихъ дождей наполнялась водою, какъ будто рѣка разлилась. Помню, однажды мы сдѣлали плотъ изъ старыхъ боченковъ и попытались отплыть на базаръ, отталкиваясь шестами. Мы завернули за уголь и тутъ сѣли на мель.

Той лавки на Старомъ базарѣ, гдѣ когда-то торговалъ молодой Антонъ Чеховъ, уже не существуетъ. Исчезли также другія лавки нашего дѣтства, не менѣе замѣтныя, — лавочка еврея Полтора-Жида; его называли такъ „по уличному“ за огромный ростъ. Лавка Ивана Капусты. У него была вывѣска надъ дверью: „Продажа чаю, сахару. И. Капусты“. Знаки препинанія стерлись. И мы дерзко заходили въ лавку и требовали послѣдняго продукта. Старый Капуста бросался на насъ съ кнутомъ.

Скрыть съ мѣста также „Ляховъ дворецъ“, съ разнокалиберными окнами, пріютъ городскихъ босяковъ. Въ этомъ домѣ обиталъ въ числѣ прочихъ портной Иванъ Малый, на дѣлѣ очень большой и несуразный мужчина. Онъ дешево шилъ и чинилъ одежду для бѣдныхъ гимназистовъ. Но часто послѣ починки сѣрыя гимназическія брюки попадали въ закладъ за кабачную стойку. Потомъ ихъ приходилось выкупать за лишній полтинникъ въ счетъ будущей платы.

А школа Булавы существуетъ до сихъ поръ. И содержать ее тоже дочь старика Булавы. По-уличному школа прежде называлась: „Команда Булавы“.

Въ бывшей Петровской крѣпости разрыты и засыпаны старыя и странныя землянки. Онѣ лѣпились когда-то на полуподземѣ крѣпостной горы и зарывались въ бурюю глину, какъ норы. Здѣсь ютились бродяги и прятались въ землю отъ зимняго ненастья, какъ суслики. Владѣльцы землянокъ теперь переведены за городъ, къ кладбищу. Тамъ выросъ новый поселокъ. У него выразительное имя: „Собачій хуторъ“. Впрочемъ, городъ Таганрогъ въ общемъ пріобрѣлъ чинный видъ. На углу Петровской улицы уже не стоитъ Платоша Дуракъ, босой, въ порткахъ и рубахѣ. По твердой мостовой не пробѣжитъ Чепурушка, безъ юбки

и въ соломенной шляпѣ съ живыми цвѣтами. Она жила на кладбищѣ, а цвѣты собирала въ полѣ. Мы, ребяташки, бѣгали за нею стадами.

Правда, подальше отъ центра бродятъ попрежнему задумчивыя свиньи и роются въ грязи. Но даже для свиней минувшіе годы принесли измѣненіе. Ибо ихъ рыло стало короче и завернулось вверхъ, къ небесамъ. Здѣсь нѣтъ никакого иносказанія, но если хотите, — вліяніе культуры. Нѣкоторая примѣсь англійской крови, юркширской и беркширской, попала въ жилы простого російскаго свинства. У юркширскихъ свиней, какъ извѣстно, рыло короче и завернуто кверху.

Старый городской садъ, давняя таганрогская гордость, весь вырубленъ подъ корень и снова засаженъ молодыми деревьями. Говорятъ, весной въ немъ, какъ прежде, зелено и тѣнисто. Но я тщетно ищу старыхъ вѣтвистыхъ деревьевъ, подъ которыми когда-то любилъ отдыхать Александръ I. Исчезла низкая рѣшетка, черезъ которую въ „платные“ дни мы такъ ловко перепрыгивали внутрь. Вмѣсто нея, высокая кирпичная стѣна. Даже знаменитая „каменная баба“, собранная съ ближнихъ степныхъ кургановъ, исчезли съ улицы. Онѣ убраны во дворъ городской библиотеки. Я сдѣлать имъ визитъ. Онѣ стоятъ тамъ чиннымъ кругомъ, высокія, прямыя и толстыя, сложивъ руки на поясъ; съ перваго взгляда я принялъ ихъ было за прежнюю городскую управу, которая внезапно воскресла, а потомъ окаменѣла.

Старый городской театръ почти не измѣнился, но въ немъ ставятъ теперь новыя, скучныя пьесы: Рыжкова, Потапенки, даже „Анѳису“ Леонида Андреева. А помню я былые восторги. По имени актрисъ и пѣвицъ составлялись партіи. Были, на примѣръ, Шороховисты и Біазисты. Они давали другъ другу кулачныя битвы, тутъ же у входа. Въ то время еще не было ни газетъ ни театральныхъ рецензій. Вмѣсто газеты, по городу бѣгаль подростокъ, длинноногій и всзнающій. Его такъ и звали: изустная гѣзета. Помню, одинъ разъ Біазисты со злобой въ глазахъ два дня ловили его, чтобы избить за непочтительный отзывъ, и, наконецъ, поймали и избили...

Только дальній конецъ предмѣстья Новостроенки, у самага моря, еще сохраняетъ упорно прежніе нравы. Тамъ 484 улицы не мощены и, какъ прежде, утонешь въ грязи. Въ

городѣ есть *молодые люди*, а на Новостроенкѣ попрежнему *парни*. Каждый вечерь, окончивъ работу, „молодые люди“ выходятъ на Большую улицу вмѣстѣ съ дѣвками и гуляютъ по тротуарамъ черной лавой, гуще, чѣмъ на Невскомѣ. Это новая мода. Прежде рабочіе юноши не выходили на главную улицу. *Парни* держатся дома по-старому. Зато они не выносятъ, чтобы къ ихъ дѣвкамъ приходили чужіе на улицу въ гости. Если поймають чужого, его подвергаютъ древнему наказанію, освященному обычаемъ. Сажаютъ на заборъ и принуждаютъ пѣть: кукареку. Заставляютъ „плавать въ пыли“, т. е. ползать на брюхѣ среди пыльной дороги. Въ числѣ другихъ удостоился пѣть на заборѣ бывший городской голова, весьма извѣстный въ Таганрогѣ... Жители до сихъ поръ вспоминають и смѣются. На Новостроенкѣ еще поютъ старыя мѣстныя пѣсни:

Въ Таганрогѣ огонь горить,
А въ Ростовѣ видно...

Какъ далеко отразились въ творествѣ Чехова воспоминанія дѣтства, слѣды этой оригинальной таганрогской обстановки, шумъ торговли, разгулъ контрабанды, смѣшеніе племенъ, запахъ южнаго моря, приволье степей? Мнѣ кажется, меньше, чѣмъ можно было ожидать. Пейзажъ и природа русскаго юга, море и степь и разгулъ принесъ въ литературу другой писатель, буйный волжанинъ, Максимъ Горькій; Антонъ Чеховъ, „человѣкъ съ моря“ (правда, только съ Азовскаго моря), вышелъ какимъ-то чудомъ писателемъ средней Россіи. Пейзажъ и природа, чувства и мысли Чехова принадлежатъ средне-русской полосѣ. Петербургъ, Москва, подмосковная деревня, „Вишневый садъ“, „Мужики“, „Въ оврагѣ“, фабрика Хрыминыхъ и К°, „Три сестры“, „Дядя Ваня“. Все это сѣверъ, сложный и смутный, полный унылой прелести, блѣдныхъ красокъ и мягкихъ оттѣнковъ. Южныя краски, даже въ Таганрогѣ и въ Одессѣ, рѣзче, грубѣе и ярче.

Однако, собственно, таганрогскій пейзажъ и обстановка, старые городскіе рассказы, анекдоты и случаи изъ дѣйствительной жизни вкраплены въ творествѣ Чехова, особенно въ раннемъ періодѣ, отдѣльными островками и цѣлыми кусками.

Рассказъ „Огни“ — это рассказъ таганрогскій по всей картинѣ и по дѣйствующимъ лицамъ. Здѣсь даже попа- 485

дается одно изъ южныхъ словечекъ, рѣдкихъ вообще у Чехова: „Греки Пендосы“. Точно такой же таганрогскій очеркъ: „Степь“. Малая Нижняя улица туда къ выгону, гдѣ стоитъ „красный домичекъ“ въ глубинѣ широкаго двора, это именно и есть предмѣстье Новостроенка. Курганы и каменные бабы; ночная птица, которая выкликается: „сплю, сплю, сплю“; уменьшительное Ера отъ Егоръ (въ Таганрогѣ говорятъ даже Жора. Дѣда Чехова звали Егоромъ); зернистая икра въ жестянкѣ, которой отецъ Христофоръ угощаетъ болящаго,—все это характерное, таганрогское. Въ это время икра стоила дешевле и была доступна сравнительно небогатымъ людямъ. Теперь и въ Таганрогѣ фунтъ икры стоитъ четыре рубля.

Десять рублей въ мѣсяцъ за столъ и квартиру для прѣзжаго гимназиста, въ родѣ Егорушки, въ то время было на Новостроенкѣ довольно обычной платой. Теперь дешевле 25 рублей невозможно устроиться.

„Палата № 6“—это таганрогскій сумасшедшій домъ.

Изъ раннихъ разсказовъ — „Холодная Кровь“, „Бракъ по расчету“—это случаи изъ таганрогской жизни. Въ то время Чеховъ еще прѣзжалъ на родину каждое лѣто, и ему приходилось даже терпѣть нареканія отъ близкихъ за свою литературную нескромность. Въ разсказахъ нѣтъ ничего обиднаго, но провинція не любитъ, чтобы ее „выводили“.

„Хирургія“ тоже таганрогское приключеніе. Старый дьяконъ съ зубною болью, высокій, коренастый старикъ, живъ до сихъ поръ. Фельдшеръ „хирургъ“ уже умеръ. Фамилія у него была характерная: Довбило. Жаль, что она не могла попасть въ разсказъ Чехова.

„Лошадиная фамилія“ — тоже таганрогскій анекдотъ, хотя и измѣненный. Въ Таганрогскомъ округѣ были два обывателя, довольно зажиточныхъ и видныхъ, Жеребцовъ и Кобылинъ. Имъ какъ-то случилось заѣхать одновременно въ ту же гостиницу, и ихъ записали на доску рядомъ особенно крупными буквами. Я помню, надъ этимъ смѣялись во всемъ Таганрогѣ.

У Чехова попадаются и другія знакомыя фамиліи изъ Таганрога и окрестностей: Нескубинъ, Иловайскій, Костюковъ.

„Левъ и Солнце“ — это таганрогскій случай, разсказанный притомъ безъ всякихъ измѣненій. Прекрасные стихи:

Въ знакъ дружбы двухъ монархій, Россіи и Ирана,
Изъ уваженія къ Вамъ, почтеннѣйшій посолъ,
Я радъ бы самъ себя распластать, какъ барана,
Но, извините, я—осель,

дѣйствительно, посланы были по почтѣ честолюбивому городскому головѣ.

„Дядя Ваня“. Такъ звали въ семьѣ Чеховыхъ одного почтеннаго и пожилого родственника. Когда въ таганрогскомъ театрѣ давали эту пьесу, дѣйствительный „Дядя Ваня“, въ общемъ совершенно чуждый литературѣ, отправился въ театръ, но на этотъ разъ былъ разочарованъ. Пьеса не имѣла ничего общаго съ Таганрогомъ.

О „Человѣкъ въ футлярѣ“ я расскажу ниже.

Впрочемъ, за послѣднія 30—35 лѣтъ со времени дѣтства Чехова общество таганрогское измѣнилось почти до неузнаваемости. Въ то время вездѣ преобладали греки. Въ городѣ пользовалась извѣстностью старая шутка, русско-греческая:

Присло Аверино,
Принесло немного вино;
Присло Ласкири,
Принесло немного сыри;
Присло Краса,
Принесло немного колбаса;
Присло Дросси,
Все поставило на подносі;
Присло Попандопуло
И все полопало.

Даже въ рабочемъ народѣ было много грековъ, хотя, подъ вліяніемъ людского притока съ сѣвера, они быстро русьли. Я помню такіа имена:

По книгамъ Лякиардопуло, а по-уличному Лонцовъ.

По бумагамъ Димитраки, а по-уличному „Бараняча Головка“.

Самое видное мѣсто среди городскихъ богачей и нотаблей занимали два старика. Они носили одно и то же имя: Маркъ, и потому въ просторѣчій назывались „двѣ Марки“. Маркъ Вальяно и Маркъ Варваці. Маркъ Вальяно достаточно извѣстенъ по таможенному процессу. О немъ ходили цѣлыя легенды чудовищнаго неприличія, особенно если принять во вниманіе его преклонный возрастъ. Маркъ Варваці происходилъ изъ семьи корсаровъ. Въ полуофициальной исторіи города Таганрога, составленной П. П. 487

Филевскимъ въ память двухсотлѣтія и изданной на средства города, сказано:

„Основателемъ Греческаго монастыря (1814 г.) былъ Иванъ Андреевичъ Варвацій, надворный совѣтникъ. Этотъ Варвацій былъ корсаромъ у себя въ Греціи, но съ заключеніемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира прибылъ въ Россію, гдѣ былъ принятъ очень радушно, и ему были даны въ Астрахани рыбные промыслы, гдѣ онъ быстро нажилъ огромное состояніе. Это былъ человѣкъ щедрый, онъ много дѣлалъ добра, быть-можетъ, желая загладить на старости лѣтъ свои корсарскіе грѣхи“.

Старожилы говорятъ, что у стараго Ивана Варваціи одно ухо было отрубано,—слѣды турецкаго плѣна.

Маркъ Варваціи приходился внукомъ старому корсару. Онъ не основывалъ монастырей, но послѣ смерти своей оставилъ нѣсколько незаконныхъ дѣтей различныхъ фамилій, которымъ досталась значительная часть наслѣдственнаго состоянія.

Иванъ Варваціи скупилъ за безцѣнокъ обширныя земли на берегу моря и заселилъ ихъ всякаго рода бѣглыми людьми (по такъ называемой Бѣглицкой косѣ). Эти поселенцы стали потомъ крѣпостными рода Варваціи. Крѣпостническіе нравы въ Таганрогѣ были нисколько не мягче, чѣмъ въ средней Россіи. Мой старшій пріятель, потомокъ крѣпостной семьи этого корсарскаго рода, особенно много рассказывалъ мнѣ о младшемъ братѣ Марка Варваціи, Кузьмѣ. У Кузьмы Варваціи была огромная дворня. Въ его домѣ все дѣлалось по расписанію—въ назначенное время раскрывались ставни, поднимались жалюзи, вытирались полы. Малѣйшее отступленіе отъ правилъ или опозданіе вызывало кулачную расправу владѣльца. Кузьма Варваціи былъ скоръ на руку и даже не спрашивалъ. Подскочить и окровавить. Его лакеи постоянно ходили съ разбитыми лицами. Но если потомъ, въ болѣе спокойную минуту, лакею удастся доказать свою невиновность, полученныя плюхи засчитывались ему впередъ. Для этого велся особый реестръ, гдѣ каждый слуга имѣлъ свой активъ и пассивъ въ мордобойной монетѣ. Незадолго до освобожденія одинъ изъ лакеевъ, наскучивъ этими зачетами, своеобразно отомстил хозяину. У Кузьмы Варваціи былъ дорогой сервизъ саксонскаго фарфора, который вынимался только въ особо торжественныхъ случаяхъ. Въ день именинъ хозяина вѣро-

ломный лакей, принявъ отъ дворецкаго большой поднось, уставленный фарфоромъ, сталъ подниматься по лѣстницѣ и вдругъ грохнуль его съ площадки внизъ. У него былъ значительный активъ полученныхъ и неоплаченныхъ плюхъ, и онъ сослался на него, чтобы избавиться отъ наказанія.

Послѣ отмены крѣпостного права Кузьма Варваца круто измѣнился. Онъ сталъ необыкновенно вѣжливъ, обращался къ слугамъ на „вы“ и даже не возвышалъ голоса. Мѣста у него цѣнились, ибо онъ платилъ хорошее жалованье.

Теперь Таганрогъ обрусѣлъ. Онъ сталъ приличнѣе и грамотнѣе. Въ городѣ имѣется шесть среднеучебныхъ заведеній, не считая двухъ большихъ училищъ съ программой прогимназии. Общее число учащихся въ этихъ восьми заведенияхъ достигаетъ трехъ тысячъ. Для городского населенія въ 50,000 (по послѣдней переписи) это сравнительно много.

На городскихъ выборахъ недавно побѣдили обновленцы. Я былъ на засѣданіяхъ. Дума собиралась въ полномъ составѣ, безъ абсентеистовъ, и рьяно голосовала: „да“ и „нѣтъ“, двигая стульями. Даже въ Маленькомъ клубѣ за карточной игрой заговорили о водопроводѣ.

Ибо водопроводъ—это городская мечта. Городъ до сихъ поръ пьетъ воду изъ колодезь, что возлѣ тюрьмы. Ее поднимаютъ наверхъ довольно хитрымъ механическимъ приспособленіемъ. Оттого въ просторѣчьи эта вода называется „машинной водою“. Каждая бочка машинной воды стоитъ полтинникъ. Впрочемъ, обыватели привыкли. Помню, когда мы въ первый разъ попали въ Петербургъ послѣ нашего машиннаго пойла, мы заболѣли желудкомъ отъ невской воды. Однако въ то время невская вода была не то, что теперь. По словамъ Менделѣева, сказаннымъ на лекціи въ университетѣ, она занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ по своей чистотѣ.

Къ чести Таганрога—въ немъ никогда не было отдѣла союза русскаго народа. Это идиосинкрязія заходитъ довольно далеко. Чиновники изъ союзниковъ, получая переводъ въ Таганрогъ, вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ инструкцію:—Оставьте политику. Тамъ это не подходитъ.

Новыя птицы, новыя пѣсни. Надя Сигида незабвенной памяти, которая умерла на каторгѣ подъ розгами и о которой мнѣ приходилось писать раньше, была прежде въ Таганрогѣ учительницей городской школы. Подруги ея

уцѣляли и до сихъ поръ свято чтуть ея память. Но, рядомъ со скромными городскими и церковно-приходскими школами, на Митрофаньевской площади выросла, можно сказать, цѣлая женская академія, точнѣе говоря,—четырёх-классная школа съ программой прогимназій. Она помѣщается въ собственномъ домѣ въ три этажа среди обширнаго двора. Въ ней учится больше 500 ученицъ, все городская бѣдность. Окончивъ эту школу, можно поступить въ шестой классъ гимназій.

Новыя гѣсны, новые люди...

— А есть ли у васъ политическія партіи? — спросилъ я почти въ шутку одного стараго знакомаго.

Онъ немного подумалъ и сказалъ нерѣшительно:

— Есть социаль-демократы. — Потомъ быстро поправился:—Есть много хорошихъ рабочихъ, умныхъ, сознательныхъ.—И тотчасъ же снова прибавилъ, уже съ нѣкоторой гордостью:—У насъ не было ни разу еврейскаго погрома.

Я молча слушалъ.

— Въ то время у насъ велась большая пропаганда. Въ іюлѣ и августѣ передъ манифестомъ 17 октября въ „Дубкахъ“ можно было подъ каждымъ деревомъ найти кружокъ. Пять или шесть рабочихъ, а посрединѣ студентъ или барышня. Они слушаютъ, она объясняетъ. Въ то время много сдѣлано.

Я слушалъ со страннымъ, смѣшаннымъ чувствомъ.

— А что, Никита живъ?—спросилъ я неожиданно.

— Какой Никита?

— И еще Василій изъ перваго кружка?

— Какъ ихъ фамиліи?—спросилъ знакомецъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

Но я забылъ фамиліи и помнилъ только имена. И также помнилъ всю обстановку этого перваго кружка. Ибо лучше признаться сразу и безъ всякой утайки. Эта пропаганда, надъ которой теперь иные смѣются, получила начало именно въ наше далекое время. Мнѣ стыдно сказать, сколько лѣтъ отроду было первымъ пропагандистамъ. Ихъ было двое, и вмѣстѣ обоимъ было лѣтъ тридцать. Они долго старались составить кружокъ, но сначала все не удавалось. Попадался народъ неподходящій, пьяницы, хвастуны, плохіе работники, разные авантюристы, которыхъ въ народной средѣ не меньше, чѣмъ въ интеллигентной, вдобавокъ,—люди пожилые. Съ ними иногда выходило и смѣхъ и горе.

Попробуй, растолкуй школьному сторожу, латышу и малограмотному, что такое классовый интересъ. И вдругъ, наконецъ, напали почти неожиданно на настоящую жижу. Никита и его братъ, Василий, и два Семена, рабочіе съ литейнаго завода въ предмѣстьѣ Касперовкѣ. Они были такіе же молодые, наивные, какъ мы сами, непьющіе, степенные, весь заработокъ они приносили домой и отдавали матерямъ. Кстати сказать, мать Никиты и мать Василя обѣ приняли живое участіе въ кружкѣ. Жалко, что я позабылъ ихъ имена. Мать Никиты была высокая, нѣскольکو грузная, съ медленными движеніями. Она садилась на лавку, подшерши щеку рукой, и слушала „чтеніе“ внимательно, какъ въ церкви. Мать Василя была нервная, сухая. Она все суетилась, кипятила самоваръ и жарила лепешки, потомъ выскакивала на дворъ покарраулить, нѣтъ ли подъ окнами „шпыней“. Но въ то время на тихой Касперовкѣ о шпыняхъ не было помину. — Однимъ словомъ, Марѳа и Марія.

Работа на заводѣ производилась, какъ тогда говорили, въ длинную смѣну: 24 часа работы, потомъ столько же отдыха. Чтеніе начиналось къ вечеру, послѣ продолжительнаго отдыха, и продолжалось часа два или больше. То, что мы читали, было высоко-невинно. Политическая экономія по Миллю, исторія — по Костомарову, Крестьянская война въ Германіи, „Что дѣлать?“ Чернышевскаго. А еще грамматика и арифметика. И въ сущности говоря, нашъ кружокъ былъ скорѣе не революціонный, а мирнообновленческій, что ли. Но слушатели были захвачены всецѣло. Я помню ясно и ярко эти наивныя проявленія духовнаго восторга. Особенно „Что дѣлать?“, „Сны Вѣрочки“ были для этихъ молодыхъ слесарей какъ будто евангеліе. Наше собственное евангеліе были скорбныя и страстныя „Историческія письма“, Лаврова-Миртова. Они призывали насъ платить за „Цѣну прогресса“, и многіе изъ насъ заплатили..

Кружокъ сталъ расти, раздвоился и далъ отростокъ. Я все-таки полагаю, что эта мирная идиллія какъ-нибудь окончилась бы забастовкой на заводѣ. Но пропагандистовъ скоро убрали. Рабочіе остались цѣлы, и послѣ того я больше не зналъ, что съ ними сталось. Однако всѣ позднѣйшіе кружки и чтенія подъ старыми деревьями въ „Дубкахъ“, посаженными еще при Петрѣ Великомъ, тянутся, какъ вѣтви отъ этого перваго зеленого ствола.

Теперь Никитѣ и Василю было бы лѣтъ по пятидесяти. Мнѣ не пришлось разыскать ни того ни другого. Но о Никитѣ я узналъ. У него есть теперь новая мастерская, станки и инструментъ и тридцать человѣкъ подручныхъ. Впрочемъ, онъ сохранилъ человѣческій образъ и не обсчитываетъ по субботамъ. Въ домѣ у него можно найти журналы и газеты. Подручные его — почти все молодежь. Въ 1905 году считались передовыми и сами себя называли эс-деками. Своего хозяина они называли „буржуемъ“, но до крупной ссоры на доходило ни разу.

Лучшіе годы моего дѣтства и юности прошли въ таганрогской гимназіи. Въ русской литературѣ есть много описаній классической гимназіи. Самое яркое сдѣлано недавно В. Г. Короленко въ его „Запискахъ моего современника“.

Учитель Лотоцкій съ его желто-краснымъ попугаемъ, жирный Егоровъ, французъ Лемпи, нѣмецъ Кранцъ, — все это останется надолго, собранное вмѣстѣ въ терпкій, одурачивающій букетъ.

Классическое образование, латинскія и греческія *extemporalia*, грамматическія правила въ стихахъ по средневѣковому образцу:

*Panis, piscis, crinis, finis,
Ignis, lapis, pulvis, cinis...*

На выпускномъ экзаменѣ все-таки иные ученики не умѣли даже читать по греческимъ удареніямъ. Мы выносили изъ этой учебы только неистребимую ненависть ко всему классическому міру. Этой ненавистью было насквозь пропитано русское общество. Уже въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ Гиббона, Моммзена и Грота, я все-таки сохранилъ старое предубѣжденіе противъ античной древности. Только въ Римѣ, подъ высокими арками Большого водопровода, на плитахъ Аппіевой дороги, которыя не истерлись даже подъ копытами двадцати поколѣній средневѣковыхъ итальянскихъ ословъ, передъ кипарисами Адриановой виллы и колоннами форума, я излѣчился отъ этого предубѣжденія. Тамъ, блуждая въ толпѣ безчисленныхъ статуй, бѣлыхъ, торжественно-важныхъ, столь непохожихъ на черныхъ и юркихъ живыхъ итальянцевъ, научаясь признавать издали, какъ старыхъ знакомыхъ, Адриана и Августа, Сократа и Сенеку, я по-

нялъ, наконецъ, какъ много силы и гордой красоты заслонили отъ нашихъ глазъ старыя, злыя педанты съ ихъ ветхой грамматикой.

Лысый чиновникъ въ вицмундирѣ, запачканномъ мѣломъ, какъ представитель авинской республики. Съ этой фигурой можетъ сравниться только другая, новѣйшая, — жирный погромщикъ съ резиной въ рукѣ, какъ поборникъ христіанства. Первая фигура — педагогическая, а вторая — политическая, но обѣ стоять друга друга.

Наша таганрогская гимназія была до смѣшного похожа на ту, что описана у Короленки. Какъ будто всѣхъ этихъ учителей чеканили дожинами изъ тусклаго олова по одной и той же казенной формѣ.

Учитель ариѳметики и географіи Крамсаковъ, съ длинными, повисшими усами. Мы называли его: „Китайскій императоръ“. Онъ отмѣчалъ уроки ногтемъ по книгѣ: отседова — доседова. Мы старались вызывать его на объясненія. Тогда начинался спектакль.

— Возьмите двѣ половины даннаго числа.

— Иванъ Оедоровичъ, мало!

— Ну, ну, прибавьте третью половину...

Учитель алгебры и физики Островскій, длинный, какъ жердь. Онъ женился по любви на маленькой, круглой женщинѣ. Мы называли эту пару: „касательная къ кругу“.

Его одного въ отдѣльности мы называли Дылдой или Долдономъ. Дылдой — если „объясняетъ“, Долдономъ — если „спрашиваетъ“. Мы любили угадывать по его внѣшнему виду, какой онъ сегодня, — Дылда или Долдонъ, даже ставили закладъ, т.-е. держали пари.

— Идетъ, идетъ!..

— Летитъ!..

— Прется!..

— Ну, какой сегодня?

— Кажется, Дылда.

— Ой, нѣтъ, Долдонъ.

— Нѣтъ, Дылда!

— Ей Богу, Долдонъ!.. Ставлю копейку.

— Держу: — Дылда!

— Богоразъ, къ доскѣ!..

Вотъ тебѣ и Дылда... Смотришь, въ журналъ стоитъ единица. Ибо Долдонъ разсыпалъ единицы щедрой рукою. Въ утѣшеніе мы сложили о немъ стихи:

Есть у насъ еще одинъ,
Ростомъ будетъ въ пять аршинъ.
Не успѣть сѣсть за столъ,
Какъ стоять въ журналѣ колъ.

Учитель чистописанія, Егоръ Андреевичъ Овсянниковъ,
вѣчный женихъ:

Егорушка-чистота
Купилъ лоняда безъ хвоста,
Поѣхалъ жениться...

Учитель греческаго языка, Зикось. Онъ считался однимъ изъ столповъ гимназій. То былъ аѳинскій грекъ, плохо говорившій по-русски. Онъ бралъ взятки съ учениковъ и съ экстерновъ, открыто, съ блескомъ и въ оптовыхъ размѣрахъ. Бралъ и не находилъ въ этомъ ничего худого:— Худо, зачѣмъ худо?.. Тебѣ хорошо, мнѣ хорошо...

Онъ говорилъ намъ въ классѣ невозмутимымъ тономъ: *Dikaiosune* (справедливость) и *sofrosune* (скромность)—это пустякъ. Первое дѣло—*chremata* (деньги)...

Законоучитель, отецъ Ѳедоръ Покровскій, соборный протоіерей, блестящій и внушительный. Онъ мало обращалъ вниманія на уроки и въ классѣ читалъ газету. Чтобы не отрывать его отъ чтенія, ученики жарили катихизисъ подъ рядъ съ вопросами и отвѣтами. Важно было не останавливаться. Въ промежуткахъ отецъ Ѳедоръ любилъ уместовать съ учениками, даже съ иновѣрцами.

Монтанружъ, *Стаканъ* Карлычъ, классный надзиратель, тоже швейцарскій французъ, какъ Лемпи, тоже полный рассказовъ, только нажми настоящую пружину.

Все чиновралы, а не педагоги, по энергичному выраженію Чехова.

У В. Г. Короленки были все-таки свѣтлыя воспоминанія,—Авдѣевъ, Игнатовичъ, Балмашевскій, старый священникъ Овсянкинъ, даже директоръ Долгоноговъ, важный, суровый, прямой.

У насъ, ей Богу, некого помянуть добромъ словомъ. Мы отошли отъ 60-хъ годовъ еще на десять лѣтъ и, можно сказать, побили рекордъ классическаго оцѣпенѣнія. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько цитатъ изъ той же книги Филевскаго, а также изъ другой: „Очерки изъ прошлаго таганрогской гимназій“, его же. Надо замѣтить, что П. П. Филевскій—учитель той же гимназій и человекъ,

можно сказать, ультра-благонамѣренный. Его безпристрастное свидѣтельство тѣмъ болѣе драгоценно:

„То было время самаго строгаго школьнаго режима, время беспощаднаго господства классицизма. Двѣ или три ошибки въ греческомъ или латинскомъ переводѣ исключали возможность получить удовлетворительную отмѣтку на экзаменѣ...“

„Дѣло реорганизаціи началось съ беспощадной строгостью. Въ два года гимназія была разогнана. Неумѣренные ревнители, вырывая плевелы, повыврали и лучшіе колосья. Даровитыхъ, выдающихся учениковъ не стало, какъ сквозь землю провалились. Были вопіющіе примѣры. Четвертый классъ имѣлъ 42 ученика, а черезъ два года подъ прессомъ древнихъ языковъ осталось только 16. Вновь наѣхавшіе воспитанники нѣсколько замаскировали это избіеніе младенцевъ...“

„Общество относилось къ гимназіи не всегда дружелюбно и не съ достаточнымъ уваженіемъ... Доблестями моральными педагогическій персоналъ едва ли отличался... Доносы продолжались именныя и безыменныя, хотя на нихъ перестали обращать вниманіе. Были также доносы, въ которыхъ педагогическій совѣтъ обвинялся въ неблагонадежности, между прочимъ, и потому, что въ засѣданіяхъ совѣта курятъ, не обращая вниманія, что въ учительской комнатѣ виситъ икона и портретъ Государя. На этотъ доносъ послѣдовалъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что патриотизмъ — прекрасное чувство, но прикрывать имъ свои личныя искательства преступно...“

Эти цитаты можно было бы умножить вдвое и втрое.

Самыя выдающіяся фигуры нашей гимназіи въ то время были директоръ Рейтлингеръ и инспекторъ Дьяконовъ. Рейтлингеръ, Эдмундъ Рудольфовичъ, директоръ-громовержецъ, нѣмецъ изъ истинно-русскихъ, „строго-консервативныхъ взглядовъ“, по словамъ Филевского. Онъ былъ чело-вѣкъ огромный и тучный и, по-своему, довольно добродушный. Въ 1876 году онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Послѣ того съ нимъ стало легче ладить. Стоило только въ трудную минуту ловко вернуть: „ваше превосходительство“.

До Дьяконова инспекторомъ былъ около года А. А. Воскресенскій-Бриллиантовъ. Тоже фигура престранная. По словамъ Филевского:

„Онъ на каждомъ шагу чудилъ и забавлялъ гимназистовъ. Порывисто поворачивался, гримасничалъ. Онъ былъ очень красивъ собой, на урокахъ часто отходилъ въ уголъ или за классную доску, смотрѣлъ въ маленькое зеркальце, которое всегда носилъ съ собою; расчесывалъ роскошную русую бороду и улыбался себѣ въ зеркало. Странно держалъ себя и вѣгъ стѣнъ гимназій; въ театрѣ, напримеръ, его часто останавливали, такъ какъ онъ, сидя въ партерѣ, клалъ на полъ орѣхи, раздавливалъ ударомъ каблука и кушалъ. Бывали случаи, когда въ самомъ патетическомъ мѣстѣ драмы раздается трескъ. Это инспекторъ кушаетъ орѣхи. Кое-какъ его терпѣли до года. Послѣ него былъ назначенъ инспекторомъ А. О. Дьяконовъ“.

Дьяконовъ, какъ сказано, былъ прообразъ „Человѣка въ футлярѣ“. Въ этомъ чеховскомъ рассказѣ много таганрогскаго колорита, вплоть до любимаго таганрогскаго ругательства: „Ступай къ чертямъ собачьимъ“. Я сдѣлалъ въ другомъ мѣстѣ попытку пополнить эту рельефную фигуру новыми штрихами изъ дѣйствительной жизни. Въмѣсто повторенія, я приведу лучше нѣсколько новыхъ цитатъ изъ того же неистощимаго Филевскаго:

„Онъ былъ строгій службистъ, строгій къ себѣ самому и къ другимъ людямъ“...

„Молодыхъ учителей поучалъ и даже распекалъ съ большей смѣлостью, чѣмъ директоръ. Очень не любилъ молодыхъ либераловъ. Изъ его изреченій можно было бы составить огромный кодексъ морали... Былъ однажды случай, что онъ ударилъ по физиономіи дерзкаго мальчика перваго класса... Онъ сказалъ директору: „Драгъся, конечно, не слѣдовало, ибо это незаконно. Но я побилъ, и не раскаиваюсь. Позвольте мнѣ отпустить, я поѣду къ попечителю“. Онъ съѣздилъ къ попечителю, вернулся назадъ, и послѣдствій инцидента не было“.

„Одно время онъ состоялъ старшиной клуба. Дамы во время баловъ потребовали его устраниенія, хотя онъ и былъ *кавалеръ*, т.-е. не женатъ, ибо онъ отпускалъ въ уборныя счетомъ пудру, булавки и мыло туалетное. Въ своей частной жизни онъ былъ аккуратенъ до скупости. Былъ большой юдофобъ (ну, разумѣется!..)“.

Эта аккуратная карьера длилась болѣе сорока лѣтъ и закончилась очень характерно, хотя и не столь трагически, какъ въ рассказѣ Чехова.

„Пріѣхаль попечитель Сольскій,—продолжаетъ П. П. Филевскій,—и выразилъ неудовольствіе по поводу совершенныхъ мелочей, даже непредусмотрѣнныхъ уставомъ. На другое утро Дьяконовъ явился въ гимназію и сказалъ: „Я служу, какъ требуетъ законъ. Иначе служить не могу“. И подалъ прошеніе объ отставкѣ“.

Къ этой характеристикѣ послѣ чеховскаго разсказа, кажется, нечего прибавлять. Нелицепріятная жизнь, однако, нашла новую и неожиданную черту.

Дьяконовъ умеръ холостымъ и послѣ смерти своей оставилъ два дома подъ училища, а 75 тысячъ рублей въ пользу бѣднѣйшихъ учителей (городскихъ и народныхъ), на выдачу пособій и стипендій. Благодарные учителя поставили ему памятникъ. Теперь покойнаго Дьяконова въ Таганрогѣ иначе не называютъ, какъ „свѣтлая личность“.

Не знаю, имѣлъ ли Антонъ Павловичъ Чеховъ случай узнать этотъ неожиданный эпилогъ своего прекраснаго разсказа. Я думаю, онъ бы доставилъ ему рѣдкое удовольствіе убѣдиться наглядно, что жизнь лучше беллетристики, даже талантливой.

Несмотря на эту позднѣйшую поправку, таганрогская гимназія въ сущности представляла арестантскія роты особаго рода. То былъ исправительный батальонъ, только съ замѣною палокъ и розогъ греческими и латинскими экстемпоралиями, „не храмъ науки, а управа благочинія“,— по выраженію Чехова,—съ кислымъ запахомъ, какъ въ полицейской будкѣ“. Люди чуть повыше этого арестантскаго уровня отсѣкались безпощадно, вытѣснялись, какъ масло изъ воды.

По словамъ Филевскаго, учитель Бѣлавинъ былъ переведенъ за либерализмъ, также и Караманъ, молодой, энергичный, ушелъ, не поладивъ съ директоромъ.

Я помню молодого учителя исторіи, Логинова. Онъ пробовалъ читать исторію несогласно съ учебникомъ Иловайскаго и сперва заинтересовалъ всѣ классы, но скоро наткнулся на директора и программу. Послѣ того онъ впалъ въ уныніе и зацѣлъ.

По словамъ Филевскаго, онъ возненавидѣлъ гимназію и говорилъ, что съ отвращеніемъ открываетъ дверь въ нее. Въ концѣ-концовъ, онъ былъ разбитъ параличомъ и умеръ въ больницѣ.

В. Д. Старовъ, учитель латинскаго языка, былъ чело-
вѣкъ доброй души и обращался съ учениками по-человѣ-
чески. Помню, въ одномъ классѣ проворный ученикъ
загѣялъ финансовую операцію процентнаго характера.
Владимиръ Дмитричъ узналъ объ этомъ и на другой день
сдѣлалъ классу внушеніе, очень мягко и не называя именъ.
Слова его, однако, произвели такое впечатлѣніе, что про-
центная операція немедленно прекратилась, и юный финан-
систъ подвергся бойкоту товарищей.

В. Д. Старовъ было очень несчастливъ въ частной и
въ служебной жизни и умеръ въ больницѣ.

Вотъ, кажется, всѣ. Можно, пожалуй, вспомнить доб-
рымъ словомъ сторожа Ивана, по прозвищу Труба, кото-
рый, случалось, давалъ пригостишкамъ „натуральные“
щелчки въ голову, но заточеннымъ въ карцеръ часто по-
давалъ куски чернаго хлѣба изъ собственного пайка, и во
время экзаменовъ ревностно помогалъ всѣмъ классамъ
обманывать бдительность начальства.

Такова была таганрогская гимназія и ея учителя нашего
учебнаго періода въ десятилѣтіе 1870—1880 гг.

Когда я свернулъ въ Гимназическую улицу и увидѣлъ
знакомое зданіе, грязно-бѣлаго цвѣта, расплывшееся вширь,
и старыя, облупленныя буквы вверху фронтона: *Гимназія*,—
сердце мое, признаюсь, забилося сильнѣе. Вотъ здѣсь,
бывало, у крыльца мы шли горячій сбитень, по двѣ ко-
пейки за стаканъ, здѣсь продавались копеечныя сосиски,
а здѣсь *марафеты*, ужасныя южныя конфеты, трубочкой,
въ красныхъ и синихъ полоскахъ, въ родѣ свернутаго флага.
Теперь стали устраивать для гимназистовъ горячіе завтраки.
Въ наше время пять копеекъ на завтракъ было цѣлое
богатство, доступное немногимъ; мы питались больше
экстемпоралиями и закусывали мѣломъ...

Я отыскалъ въ гимназіи старыхъ знакомыхъ. Во-пер-
выхъ, Павелъ Ивановичъ Вуковъ, классный надзиратель,
живая лѣтопись гимназіи.

Я помню его красивымъ кудрявымъ шатеномъ. Мы
сложили про него непочтительные стихи:

Павелъ Ивановичъ Вуке
Едетъ верхомъ на быкъ,
Подъѣзжаетъ къ кабаку,
Покупаетъ табаку.

Но Павелъ Ивановичъ не обижался. Теперь уже ему за шестьдесятъ, и онъ выглядитъ старше прежняго.

Съ первыхъ словъ онъ сталъ напоминать мнѣ разныя подробности моей прежней жизни, которыя изъ моей собственной памяти давно изгладились.

— Помните ваше сочиненіе шестого класса: „Роскошь и комфортъ“? И еще, какъ васъ посадили въ карцеръ, по жалобѣ Островскаго, на каникулахъ, въ восьмомъ классѣ?..

Пришелъ латинистъ Борзаковскій, который прѣхалъ въ таганрогскую гимназію за два года до нашего выпуска. Я узналъ его съ перваго взгляда. Онъ мало измѣнился, только волосы стали бѣлѣе.

Мы познакомились и съ другими.

— Вотъ нашъ застѣнокъ, — съ мягкой улыбкой сказалъ почтенный наставникъ, открывая дверь кабинета. — Войдите, пожалуйста. Здѣсь мы, случается, пытаемъ нашихъ воспитанниковъ.

Уже пройдя по коридору, я увидѣлъ первое измѣненіе. Дверной стеклянный глазокъ, тотъ, о которомъ такъ много писалъ Короленко, исчезъ изъ обихода. Въ моей памяти онъ тѣсно ассоціировался съ тюремнымъ „глазкомъ“, и сталъ вдвойнѣ ненавистенъ.

Въ иныхъ дверяхъ еще сохранилось круглое отверстіе, но оно было задѣлано плотной дощечкой и стыдливо закрашено краской.

Понемногу мы разговорились.

— Есть ли у васъ чехи? — спросилъ я почти съ первыхъ словъ. Ибо въ наше время былъ въ Таганрогѣ знаменитый чехъ Урбанъ, грозный классикъ, язва гимназій.

— Мы вамъ покажемъ чешскаго сокола, — сказалъ наставникъ съ нѣкоторой гордостью. — Учитель гимнастики изъ Праги. Ученики увлекаются.

Въ большой залѣ одинъ изъ младшихъ классовъ, построенный въ шеренгу, подъ руководствомъ молодого, проворнаго чеха маршировалъ и размахивалъ флагами. Я не замѣтилъ, впрочемъ, особаго увлеченія. Все-таки это было лучше латыни Урбана.

Я отложилъ напослѣдокъ рассказъ о чехѣ Урбанѣ. И. О. Урбанъ былъ одинъ изъ тѣхъ твердокаменныхъ чеховъ, которыхъ министръ Д. А. Толстой вызвалъ изъ Австріи задать намъ двойную порцію латыни.

Всевѣдущій Филевскій рассказываетъ о немъ такъ:

„У него были столкновения съ учащимися и учителями въ Кіевѣ, Новороссійскѣ и Симферополѣ. Назначая Урбана въ Таганрогъ, попечитель П. А. Лавровскій сказалъ: „Я васъ перевожу въ Таганрогъ. Если вы и тамъ не уживетесь, то мѣста для васъ въ округѣ не будетъ“.

Изъ Таганрога Урбанъ писалъ жалобы и доносы въ округъ и министерство. Это именно ему попечитель Воронцовъ прислалъ вышеупомянутый отвѣтъ о томъ, что прикрывать личныя искательства патріотизмомъ преступно.

„Онъ поставилъ какъ бы обязанностью отыскивать молодыхъ людей, политически неблагонадежныхъ, — говоритъ Филевскій: — и такъ какъ онъ обладалъ даромъ понимать ученика, то почти всегда угадывалъ и преслѣдовалъ безпощадно“.

Кончилось все это взрывомъ квартиры Урбана, почти одинокимъ въ то глухое и смирное время. Надо было сдѣлать многое, чтобы довести учениковъ до такой *ultima ratio principum*. Но Урбанъ былъ въ родѣ щедринскаго Іудушки, донималъ рѣчами, ужимками, подмигиваніями, хуже, чѣмъ уроками. Даже теперь, черезъ тридцать лѣтъ, иные изъ его учениковъ, вспоминая его приставанія, трясутся отъ злости...

— Какія теперь отношенія у васъ съ учениками? — спрашивалъ я довольно наивно, но почти произвольно.

— Теперь ничего. Жить можно.

— А списокъ запрещенныхъ книгъ есть попрежнему?

— Ну, да, есть.

— Я помню, какъ намъ досталось за „Что дѣлать?“ — припомнилъ я.

Директоръ немного подумалъ и мудро замѣтилъ:

— Романъ „Что дѣлать?“ — это безгрѣшная книга сравнительно съ тѣмъ, что пишутъ теперь. — Онъ назвалъ „Санина“ съ отвращеніемъ и злобой. Я былъ готовъ возразить ему, что „Санинъ“, въ сущности, тоже книга не очень грѣшная, вопреки всѣмъ нападкамъ, но воздержался во-время.

— А Писарева мы утащили изъ фундаментальной библиотеки, — продолжалъ я припоминать.

— Отъ Писарева вѣтъ юношескимъ духомъ, — сказалъ директоръ. — Что изъ того, что онъ нападаетъ на Пушкина? Теперь Пушкинъ стоитъ незыблемо.

— А позже семи часовъ вечера нельзя выходить? — спросилъ я снова.

— Да, нельзя.

— А въ Публичную бібліотеку запрещено ходить?

— Это для ихъ же пользы, — сказали наставникъ мягкимъ тономъ.

— Стало-быть, учителя и ученики все-таки представляють два враждующихъ лагеря?..

Быль часть большой перемѣны. За дверью ревѣло, шумѣло и топотало юное стоное чудовище, имя которому — дѣтская толпа.

— Теперь что, — послѣдовалъ неожиданный отвѣтъ. — Вотъ въ 1905 году было дѣйствительно тяжело. Начальство отъ насъ отступилось, оставило насъ на произволъ судьбы. Общество было противъ насъ. Ученики тоже. Еще въ старшихъ классахъ было ничего, а въ четвертомъ и пятомъ — бѣда. Не то что блюсти за порядкомъ, а только блюдешь, чтобы калоша не полетѣла въ голову.

Я помнилъ учениковъ на оборонительной позиціи. А тутъ была, вмѣсто того, „эпоха активнаго наступленія“.

— Хуже всѣхъ досталось Урбану, — продолжалъ тотъ же рассказчикъ. — Надо вамъ сказать, что дѣтъ за десять до того его сынъ влюбился въ дочь простого жандарма, — была, говорятъ, славная барышня, — и хотѣлъ на ней жениться, но отецъ не позволилъ неравнаго брака. Тогда юноша, видно со злости, взялъ и выкупался въ морѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Схватилъ тифъ и умеръ. Послѣ того Урбанъ очень опустился. Потомъ настала сумасшедшій 1905 годъ. Въ пятомъ классѣ ему бросали камни въ спину. Онъ подбиралъ эти камни и плакалъ и говорилъ, что возьметъ ихъ съ собою въ гробъ. Послѣ того онъ вышелъ въ отставку и скоро умеръ.

Такъ кончилъ свою карьеру чехъ Урбанъ.

— Дочь у него учится въ женской гимназіи, — продолжалъ рассказчикъ. — Понадобилась стипендія для нея. Куда тебѣ! Попечительный комитетъ всталъ на дыбы. „Не дадимъ!“ Все ученики Урбана. Насилу усовѣстилъ ихъ. Чѣмъ же дочь виновата за дѣла отца?..

Завидная память для добраго стараго учителя.

Антонъ Павловичъ Чеховъ прошелъ сквозь таганрогскую гимназію, никѣмъ не замѣченный. „Быль хорошій ученикъ, но особенно не выдавался“, — сказано у Филевскаго. Впрочемъ, дальше слѣдуетъ: „На окончательномъ экзаменѣ Стефановскій (учитель словесности) обратилъ

вниманіе педагогическаго совѣта на необыкновенную литературную отдѣлку и смыслъ сочиненія ученика Антона Чехова“...

Не знаю, быть-можетъ, это и правда. Я хорошо помню П. С. Стефановскаго. Онъ донимать насъ не сочиненіями, а памятниками древней словесности:

— Слово Данила Заточника. Жить бытъ Даниль Заточникъ и написать Слово Данила Заточника. На озерѣ Лачь...

Больше того никто не знаетъ, и, какъ справедливо сказано въ концѣ „Слова“: — Кому озеро Лачь, а намъ горькій плачь...

Одинъ таганрогскій студентъ разсказывалъ мнѣ не особенно давно, что во второмъ основномъ классѣ таганрогской гимназіи имѣется парта, за которой, по преданію, когда-то сидѣлъ Антонъ Чеховъ. Чеховская парта считается почетной и занимается по жребію. Къ сожалѣнію, кажется, это не истина, а только творимая легенда. Я разспрашивалъ многихъ. Никто ничего не знаетъ о чеховской партѣ, ни учителя ни также ученики, что гораздо показательнѣе.

Черезъ два часа, когда я сходилъ со знакомаго крыльца, я уносилъ съ собою тяжелое и смутное чувство. Въ концѣ-концовъ, арестантскія роты остались арестантскими ротами, только смягчился режимъ, античные кандалы упали и замѣнились новѣйшими предохранительными связками, въ карцерѣ зажгли электричество.

Тѣ же запрещенія, аттестации, отмѣтки.

Устыхи — 5.

Поведеніе — 5.

Прилежаніе — 5.

И вдругъ изъ *Вниманія* — двойка, хотя, кажется, при отличныхъ *Устыхахъ* и такомъ же *Прилежаніи* *Вниманіе* тоже должно быть, по меньшей мѣрѣ, на четверку. И изъ-за такихъ схоластическихъ тонкостей потомъ возникаетъ „исторія“...

Видно, на старомъ, гниломъ основаніи нельзя построить новое, свѣтлое зданіе.

Послѣ казенной гимназіи мнѣ пришлось посѣтить школьныя заведенія болѣе новаго типа. Я не стану описывать ихъ подробно. Коммерческое училище помѣщалось по Греческой улицѣ, въ старомъ домѣ Варваці. Домъ этотъ

странной постройке. Должно-быть, почтенный корсаръ старался приспособить его для цѣлей контрабанды. Повсюду были таинственные закоулки. Въ толстыхъ стѣнахъ были вѣданы потайные чуланы и шкапы съ крѣпкими дверями. Большому училищу здѣсь было тѣсно, какъ въ старомъ сундукѣ. Мнѣ бросилась въ глаза вереница малышей, которая извивалась зигзагами среди узкой и низкой залы. Они стояли чинно и плотно, сжимая въ рукахъ сильно зачитанныя книжки. Это были абоненты школьной библиотеки, ожидавшіе открытія. Надзирателя не было. Маленькіе люди смотрѣли другъ другу въ спину и даже не толкались, невзирая на все искушеніе. Я вспомнилъ взрослую публику у входа въ трамвай или у железнодорожнаго оконца. Эти малыши лучше умѣли хранить порядокъ. Съ лѣвой стороны была курилка — для учениковъ. Что, если бы покойный „человѣкъ въ футлярѣ“ увидѣлъ это учрежденіе? *Horribile dictu!* Мы заглянули внутрь. Двое или трое полувзрослыхъ юношей степенно курили папиросы.

— А что, малышей не пускаете? — спросилъ мой спутникъ.

— Нѣтъ, не пускаемъ, — сказала одинъ изъ курильщиковъ ломающимся басомъ: — вѣдь мы обязались.

— Какъ прошелъ у васъ бурный годъ? — спросилъ я и здѣсь.

— Легко. Одинъ разъ ученики рѣшили бастовать. Я говорю имъ: „Зачѣмъ? Вѣдь у васъ, собственно говоря, нѣтъ требованій“. — „Нѣтъ, — говорятъ, — мы не можемъ, мы изъ солидарности съ другими“. И бастовали недѣлю. Потомъ пришли и сказали: „Теперь довольно. Можно ли намъ снова ходить на уроки?“

Городъ отвелъ, наконецъ, училищу другое мѣсто, и оно строитъ себѣ новое зданіе. Зданіе это будетъ кончено къ осени. Тамъ будетъ свѣтлѣе и просторнѣе.

Въ техническомъ училищѣ я посѣтилъ мастерскія.

Мальчики и юноши усердно строгали и клеили дерево, рѣзали напилкомъ желѣзо, вертѣли колесо токарнаго станка. Они были въ рабочей одеждѣ, руки у нихъ были черныя, въ маслѣ, а лица свѣтлѣе и умнѣе, чѣмъ у вчерашнихъ питомцевъ казенной словесности. Въ витринахъ были свалены школьныя издѣлія, обязательныя и необязательныя.

Я не успѣлъ посѣтить казенную женскую гимназію. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ тамъ произошла обычная „исторія“, въ результатѣ которой одна изъ ученицъ лишила

себя жизни. Послѣ того явилась новая начальница, и, кажется, началось смягченіе режима.

Зато я забѣжалъ на нѣсколько минутъ въ частную гимназію Яновичъ. Было время большой перемѣны. Еще съ лѣтницы я услышалъ веселые дѣвичьи голоса и звуки музыки. Въ большомъ залѣ начальница сидѣла за роялемъ и играла русскую. Двѣ линіи дѣвушекъ другъ противъ друга вели хороводъ. Кругомъ у стѣнъ стояли толпою молодья зрительницы и рукоплескали отъ души. Можно было засмотрѣться на это неожиданное зрѣлище. Всѣ лица были такія оживленныя и фигуры граціозныя. И мнѣ показалось, будто здѣсь собраны самыя красивыя дѣвушки со всего города. Ибо ничто такъ не красить дѣтскія и юношескія лица, какъ свобода, простота и довѣріе. Эта картина была послѣдняя изъ моихъ школьныхъ наблюденій.

Вечеромъ въ знакомой семьѣ двое мальчиковъ заспорили. Одинъ былъ „техникъ“, другой—„коммерсантъ“. Оба они славили свое учебное гнѣздо и горячились и не хотѣли уступать.

— У насъ лучше!

— Нѣтъ, у насъ лучше!..

Это были первые ростки школьнаго патриотизма, почти неизвѣстные въ Россіи. Ибо, въ свое время, мы, случалось, спорили наоборотъ:

— У насъ хуже!

— Нѣтъ, у насъ хуже!..

— Какъ относятся прежніе казенные учителя къ этимъ новымъ училищамъ?—спросилъ я у знающихъ лицъ.

— Съ чувствомъ бессильной злобы. Они чувствуютъ, что почва уходитъ у нихъ изъ-подъ ногъ. Старѣются, шипятъ.

Въ городскомъ саду, на старой скамьѣ, я нашелъ послѣдній комментарий къ этому школьному прогрессу, врѣзанный глубоко ножомъ, примирительный и всеобъемлющій:

Гимназисты дураки,
Техники лягушки,
Коммерсанты арестанты,
Гимназистки душки.

Наша старая формула была проще:

Гимназисты дураки,
Гимназистки душки.

Въ послѣдній день моего пребыванія въ Таганрогѣ въ городскомъ театрѣ, по иниціативѣ Е. М. Гаршина, было устроено празднество въ память пятидесятилѣтія Литературнаго Фонда. Театръ былъ полонъ. Докторъ А., популярный въ городѣ, говоритъ рѣчь о значеніи русской литературы:

„Единственный источникъ гражданскаго мужества, любви и свободы, воспитательница поколѣній...

„Къ ней сохраняется въ нашей душѣ любовное, почитательное чувство“.

Голосъ его срывался, сѣдая голова тряслась отъ волненія. Публика тихо слушала и даже не рукоплескала.

Пусть эта картина будетъ послѣдней чертой моихъ впечатлѣній на родинѣ русскаго писателя Антона Павловича Чехова.

Танъ.

